

Этнознаковое оформление сообществ эвенков в России XVIII века

Рассматривается символично-знаковый аспект включения сибирских аборигенов в этнополитическое пространство Российской империи в XVIII в. Этнознаковое оформление сообществ эвенков долины р. Илим (Илимский уезд Иркутской губ.) происходило в процессе административных реформ 1720–1780-х гг. Введение выборной должности «шуленга» активизировало этнознаковое оформление сообществ эвенков в рамках полиэтничного населения Восточной Сибири. Это отразилось на системе коллективного жизнеобеспечения, налогово-фискальной сфере, судебно-правовых практиках, хозяйственной деятельности. В значительной мере эта ситуация способствовала актуализации и сохранению этнокультурной идентичности рассматриваемых сообществ на символично-знаковом уровне.

Ключевые слова: Сибирь, XVIII в., служилые люди, казаки, эвенки, тунгусы, знак, символ.

N.A. Berezikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: warumbaum@gmail.com

Ethnic and Symbolic Legalization of the Evenk People in Russia in the 18th Century

The article analyzes symbolic and semantic aspects of the inclusion of the indigenous population into the ethnic and political space of the Russian Empire in the 18th century, focusing on ethnic and symbolic processes which occurred in the Evenk communities in the Ilim River basin (Irkutsk Guberniya) during the administrative reforms of the 1720s–1780s. It is argued that the establishment of the “shulenga” elected office enhanced the ethnic and symbolic legalization of the Evenk communities in the context of the multiethnic society of Eastern Siberia, which was reflected in the systems of life support, taxation and finances, as well as judicial and legal practices, and economical activities. This significantly influenced the preservation and development of the Evenk ethnic and cultural identity at the symbolic and semantic level.

Keywords: Siberia, 18th century, service men, Cossacks, Evenk, Tungus, sign, symbol.

Первые встречи представителей Российского государства с сообществами илимских эвенков (тунгусов) относятся к концу 1620-х гг. [Бродников, 1999, с. 120]. На протяжении столетия взаимоотношения ограничивались формальным принесением присяги (шерть) правящему государю и ежегодными выездами казаков-сборщиков ясака к местам кочевков. Администрация Илимской воеводской канцелярии раз в год снаряжала казаков, назначенных для сбора ясака; обычно по два человека на ясачную волость. Несколько месяцев они проводили в тайге в поисках стойбищ эвенков и возвращались обратно с пушниной и окладными книгами, в которых были записаны места сбора и имена сдавших ясак [Долгих, 1960, с. 279–285]. Символично-знакового оформления российской власти в регионе по-

мимо этих поездок не существовало, хотя бытовые контакты русского земледельческого населения с эвенками отмечаются начиная с 1630-х гг. [Шерстобоев, 1957, с. 619–620].

Изменения в символично-знаковом оформлении подданства эвенков произошли с конца 1720-х гг., когда власть предприняла активную попытку вмешательства в хозяйственную жизнь, управление и быт народов Восточной Сибири. На протяжении XVIII в. и вплоть до сибирской административной реформы М.М. Сперанского (1820-е гг.) вовлечение кочевых народов Восточной Сибири во властную символично-знаковую структуру империи осуществлялось при помощи выборных (назначаемых) сборщиков податей из числа знатных людей местных сообществ [Конев, 2014, с. 92; Авдеева, 2000].

По многовековому обычаю они стали именоваться *шуленгами*. В монгольском языке это слово обозначало правителя рода (племени) и широко использовалось у бурят и эвенков на протяжении нескольких веков до прихода русских в Сибирь [Элерт, 1990, с. 26; Акишин, 2003, с. 76–77; Боронин, 2004, с. 53].

Активное внедрение этой системы в среду илимских эвенков произошло в ходе визита в Сибирь «действительного штатского советника, чрезвычайного посланника и полномочного министра и Иллирийского графа Савы Владиславича Рагузинского» осенью 1727 г. [Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., 2014, с. 34–35]. Для обоснования реформы он воспользовался челобитной «бращных ясачных иноземцов» об обидах со стороны русских сборщиков ясака. Они просили: «Дабы русские служилые люди для собрания ясаку в их улусы не ездили, для того, что их оныя ясатчики раззоряют с требованием подарков, корму и протчего... А они де от себя из всякого роду по три начальника будут посылать повсягдно в города с ясаком... В малых делах, ссорах и протчем своими начальниками своих улусных людей судить и расправы чинить во всем, кроме криминальных дел».

С.В. Рагузинский подал реляцию в Сенат и в канцелярию Тобольского генерал-губернатора. Уже в марте 1728 г. генерал-губернатор отправляет приказ в Иркутскую провинциальную канцелярию о замене казаков – ясачных сборщиков на выборных шуленг (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1: «Усть-Киренская воеводская канцелярия». Ед. хр. 248. Л. 184–192). В свою очередь, иркутские чиновники распространили этот приказ по подконтрольным уездам. В частности, в Илимский уезд этот приказ дошел 30 мая, а 8 июня из Илимска пошли указы по всем волостям Илимского уезда.

Согласно приказу, шуленги избирались аборигенами и утверждались после этого Илимской воеводской канцелярией. Кроме того, они имели право выбирать себе помощников – сборщиков ясака. В ведении шуленг находился не только сбор ясака, но и разнообразные хозяйственные, административные и судебные дела в ясачной волости. Вот пример такого утверждения тунгусского шеленги: «Указ из илимской земской канцелярии... ясачному тунгусу Проньке Гаврилову... Велено тебе... быть у своей братьи того Брацкого острогу у ясашных тунгусов в десятниках и ведать тебе той волости всех тунгусов во всяких... управлениях и в сборах ясашных» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 9).

Показателен текст указа-наставления иркутского наместнического правления шуленге Киренской, Хандинской и Усольской волости, «выбранному... родовыми старшинами и ясашными лутчими ж людьми... Никулке Боявичину». В указе выражена надеж-

да, что он возложенный на него чин и должность будет исправлять так, «как принадлежит и пристойно есть доброму и честному человеку и верному ея императорского величества подданному». Шуленге поручалось вести себя «добро порядочно», собирать ясак, «родников своих... держать в добром порядке и призрении», решать мелкие дела по жалобам ясачных и русских: «во воровстве скота, побоях и все протчие, кроме криминальных дел и смертного убийства» – по инструкции графа Савы Владиславича. Если дело маловажное, то «судить каждого роду своему начальнику, а когда больше, то избирать ис трех родов по 2 начальника, всего 6 человек. И в чем вы осудите, на тем и стоять». Важные дела передавать в Киренский нижний земский суд и в Киренскую нижнюю расправу. Затем предписывалось «родников своих тунгусов принуждать, дабы они неленостно упражнялись в звериных промыслах». Шуленге поручалось «стараться... самому завестись по обыкновению русских крестьян домовым строением, которое послужит тебе лутчим убежищем от ненасливой и дождевой погоды – летом, а зимою – от стужи и других изнуряющих беспокойств... Также стараться о заведении пашен на посев всякого рода хлеба... Ленивых наказывать без упущения». Отлучаться для жительства в другие места ясачным «накрепко запрещать». За канчивался указ предупреждением, что за исправное исполнение дел шуленгу ждет похвала и законное награждение, а за нерадение он подвергнется «необезному наказанию». Подпись: «Правитель наместничества генерал-порутчик и кавалер Михайла Арсеньев» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 148–149). Такой же графаретный наказ был дан шуленге Нижне-Тунгусской ясачной волости (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 152–153).

Однако их власть не была безграничной. Шуленги, находясь на утверждаемой (хотя и выборной) должности, были глубоко инкорпорированы в многовековые местные традиции. Кроме того, простые жители волостей имели право подавать жалобы на них.

В июле 1743 г. выборный ясачный тунгус Верхне-Илимской волости в доносе на шуленгу Божука Черноусова указывает, что Черноусов «по указу и нашему выбору определен к ясашному сбору в шуленги». Он собрал ясак на 1742 г. сполна, но продолжает требовать еще «и берет с нас немалые взятки». Выборный жаловался, что шуленга держит тунгусов «в страдную пору, также и во время ясашного промыслу», пускает за взятки гулящих людей «в ясашные угожья». С 14 человек он взял незаконно пушнины на 32 рубля 30 копеек и две лисицы. Кроме того, ему дано для сбора ясака две лошади; он не удовлетворился этим и взял «кобылу, соболя, лук костеной, еще соболя». С че-

тырех гулящих людей взято им 4 рубля и 150 белок. Воеводская канцелярия дала по этому заявлению справку в Сенат: «Ясаку ничего не было» (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 1084. Л. 7–8).

Сохранившиеся приказы об утверждении шуленг по волостям Илимского воеводства и административная практика дают основания полагать, что в XVIII в. не существовало никаких правил о сроке полномочий шуленги. Очень часто смена этих старшин производилась тогда, когда ясачным становилось невмоготу от поборов и притеснений шуленги. Столкновение личных корыстных побуждений шуленги с интересами рода приводило к конфликту, который разрешался досрочными выборами. Зачастую воеводская канцелярия вовлекалась при этом в общественные дела аборигенов. Иногда создавалась в подобных случаях сложная обстановка и шуленги сменялись несколько раз в год, пока ясачные не находили приемлемой для них кандидатуры.

Смена выборной администрации и в конце XVIII в. проходила в общем нерегулярно. По списку шуленг, старшин и десятских 1788 г. можно установить, что один шуленга служил 5 лет, один старшина 4 года, другой – 2 года, но в Нижне-Илимской волости все старшины сменялись ежегодно. Зато в других волостях Илимского уезда – Киренской, Хандинской и Усольской – даже десятские служили по несколько лет подряд. Шуленга Киренской, Хандинской и Усольской волости Жерандоев был сменен по жалобе тунгусов (РГАДА. Ф. 1424. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 167, 170).

Таким образом, к началу XIX в. эвенки, кочевавшие в бассейне р. Илим, в рамках этносоциальной и этнокультурной структуры государства имели свою символично-знаковую систему. Она строилась на институте выборных шуленг. Обладая полнотой власти на местах, они представляли интересы эвенкийских сообществ перед имперской администрацией и различными группами населения. Символы и знаки власти, которыми были наделены шуленги, конституировали сообщества эвенков в полиэтничном пространстве региона. Они были значимыми в плане актуализации и сохранения этнокультурной идентичности рассматриваемых сообществ на символично-знаковом уровне.

Список литературы

Авдеева О.А. Эволюция судебной системы инородцев Восточной Сибири в XVII – первой половины XIX в. // История государства и права. – 2000. – № 3. – С. 2–7.

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: Структура и состав государственного аппарата. – М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. – 406 с.

Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 216 с.

Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе. По материалам Восточной Сибири XVII в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 1. – С. 119–123.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. – 303 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 450 с.

Конев А.Ю. Исторический опыт социальной регистрации и классификации ясачного населения Сибири XVII–XVIII вв.: Эволюция форм и методов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 43. – С. 90–94.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск: Кн. изд-во, 1957. – Т. 2: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. – 673 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 245 с.

References

Akishin M.O. Rossiiskii absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII veka: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche, 2003, 406 p. (in Russ.).

Avdeeva O.A. Evolyutsiya sudebnoi sistemy inorodtsev Vostochnoi Sibiri v XVII–XIX vv. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2000, No. 3, pp. 2–7 (in Russ.).

Boronin O.V. Dvoedannichestvo v Sibiri. XVII–XIX vv. Barnaul: Alt. State Univ. Press, 2004, 216 pp. (in Russ.).

Brodnikov A.A. Sbor yasaka: zavisimost' protsessu ob'yasachivaniya ot potestarno-politicheskoi situatsii v regione. Po materialam Vostochnoi Sibiri XVII veka. In *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*. Novosibirsk, 1999, iss. 1, pp. 119–123 (in Russ.).

Dameshek L.M., Dameshek I.L. Yasak v Sibiri v XVIII–XX vv. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 2014, 303 p. (in Russ.).

Dolgikh B.O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII century. Moscow: AS USSR Press, 1960, 450 pp. (in Russ.).

Elert A.K. Ekspeditsionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1990, 245 pp. (in Russ.).

Konev A.Yu. Istoricheskii opyt sotsial'noi registratsii i klassifikatsii yasachnogo naseleniya Sibiri XVII–XVIII vv.: evolyutsiya form i metodov. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, No. 43, pp. 90–94 (in Russ.).

Sherstoboev V.N. Ilimskaya pashnya. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1957. Vol. 2: Pashnya Ilimskogo vovodstva XVII i nachala XVIII veka, 673 p. (in Russ.).